

Е. Поселянин

**Идеалы христианской
жизни**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Е11

Е11 **Е. Поселянин**
Идеалы христианской жизни / Е. Поселянин – М.: Книга по Требованию,
2016. – 496 с.

ISBN 978-5-458-56289-8

ISBN 978-5-458-56289-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

разбиваемыми потомъ дѣйствительностью, въ зрѣлые ли годы, когда можно надѣяться сдѣлать то добро, какого не успѣли сдѣлать раньше: всею душою обратимся ко Христу, чтобы найти у Него, отъ Него счастье и вдумается въ тотъ строй міра чувствъ и дѣлъ, какія бы можно назвать идеалами христіанской жизни.

Идеалы христіанской жизни — это идеалы христіанскаго счастья.

Кто живетъ по Христу: тотъ уже овладѣлъ тѣмъ возвышеннымъ, полнымъ счастьемъ, которое принесъ съ Собою на землю Христосъ.

Это счастье тѣмъ исключительно, что оно совершенно не зависитъ отъ тѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, изъ которыхъ складывается счастье мірское.

Тотъ, кто по мірски несчастенъ и ничтоженъ, можетъ внутри себя носить величайшее духовное счастье. И человѣкъ, переобремененный житейскими благами, можетъ страдать неизлѣчимою и неудовлетворимою духовною жаждою, и бываетъ, что, чѣмъ жизнь человѣка со внѣ складывается лучше, тѣмъ сильнѣе онъ тоскуетъ какою-то необъяснимою тоскою *).

Это признакъ природы богатой и сильной. Признакъ души, способной на всеобъемлющую привязанность, на безграничное восхищеніе, но не отыскавшей предмета такой привязанности и такого восхищенія. И вотъ—эти, именно, природы особенно склонны по складу своему къ христіанству, особенно способны къ глубокимъ религіознымъ переживаніямъ.

И часто-часто что-то необъяснимое удерживаетъ ихъ отъ религіи. Она кажется имъ сплетеніемъ предразсудковъ. И всю жизнь свою они, неудовлетворенные и страдающіе, бродятъ о бокъ со своимъ счастьемъ, не видя, не слыша и не понимая того, что бы ихъ могло спасти.

Какъ все въ жизни—религію надо понять, чтобы оцѣнить. И надо вжиться въ нее, послѣдовать ея совѣтамъ, провести ее въ свою жизнь и ощутить ее на себѣ, чтобы ее понять.

А все это надо сдѣлать потому, что мы всѣждемъ сча-

*) Это ужасное душевное состояніе особенно часто встрѣчается у богатыхъ англичанъ. Англичане люди очень часто глубокие по природѣ и если ихъ жизнь не посвящена одной всеохватывающей идеѣ, она кажется имъ неполною. То же и у многихъ русскихъ.

стыя. И религія—и только она одна—даетъ вѣрное, не гибнущее, отъ всѣхъ случайностей застрахованное счастье.

Да, мы жаждемъ счастья. И, быть можетъ, однимъ изъ самыхъ правильныхъ отвѣтовъ на вопросъ:

— Что такое человѣкъ?

былъ бы отвѣтъ:

— Разумное существо, жаждущее счастья.

Эта жажда счастья заложена въ душѣ нашей, какъ наше законное и первобытное право. Первый человѣкъ былъ созданъ для блаженства, и душа его такъ настроилась, чтобы постоянно это блаженство воспринимать. И, это свое настроеніе первый человѣкъ передалъ намъ, какъ основное чувство, въ своемъ духовномъ наслѣдствѣ.

И ошибка не въ томъ, что мы на землѣ этого счастья ищемъ. А ошибка въ томъ, что ищемъ его не тамъ, гдѣ надо.

Въ этой книгѣ, носящей заглавіе «Идеалы христіанской жизни» будутъ показаны тѣ тихія картины ничѣмъ не разрушаемаго христіанскаго счастья, которое нисходитъ на человѣка, внявшаго завѣтамъ Христа и воплотившаго ихъ въ своей жизни.

Е. Поселянинъ.

КНИГА ПЕРВАЯ,

ВЪРЪ И ПУТИ КЪ ВЪРЪ.

ГЛАВА I.

Душа—христіанка.

Въ области всѣхъ высшихъ движеній человѣческаго духа мы встрѣчаемся съ однимъ яркимъ явленіемъ—прирожденною способностью извѣстныхъ людей къ какой-нибудь особой дѣятельности духа.

Что, повидимому, сложнѣе, отвлеченнѣе, недоступнѣе для ребенка, какъ міръ звуковъ, гармоніи—музыка.

Между тѣмъ — встрѣчаются постоянно дѣти, которыя въ еще безсознательные годы какъ-то невольно тянутся къ звукамъ, точно отыскиваютъ въ мірѣ таящуюся въ немъ гармонію.

Развѣ слышна она въ мірѣ? Развѣ природа сама по себѣ даетъ слышать людямъ тѣ изумительныя сочетанія звуковъ, какіе великіе музыканты улавливаютъ откуда-то внутреннимъ таинственнымъ слухомъ своимъ, и облакаютъ въ ту красоту, которая потомъ вѣками трогаетъ, утѣшаетъ, восхищаетъ людей?

Кто научилъ, кто объяснилъ въ заброшенной глуши, хотя и богатой помѣщичьей усадьбѣ какому-нибудь неповоротливому ребенку, Глинкѣ, будущему создателю русской національной музыки, что есть извѣстныя сочетанія звуковъ, которыя погружаютъ душу въ какое-то счастливое созерцаніе, даютъ ей то приливъ бодрости, веселья, то навѣваютъ сладкую грусть, то даютъ радостное предчувствіе, то вызываютъ картины далекаго и милаго прошлаго.

Ребенокъ и говоритъ еще не умѣетъ. Но онъ уже чувствуетъ какое-то волшебство звуковъ. Звонъ металлической посуды привлекаетъ его вниманіе съ той же полнотою, какъ плѣняетъ вниманіе другого, обыкновеннаго ребенка, видъ бле-

стящей вещи, какихъ-нибудь золотыхъ часовъ, которыя онъ схватить на чьей-нибудь груди и не желаетъ выпустить изъ рукъ.

Въ окно ворвется пѣсня крестьянокъ, возвращающихся въ село изъ луговъ, съ покоса — и маленькій дичокъ весь насто-рожился. Онъ живо ловитъ новые для него и, въ то же время, словно знакомые ему звуки.

Онъ словъ еще не знаетъ, а звуки понимаетъ, и они го-ворятъ ему. А позже онъ самъ заговоритъ такими звуками, которыя приметъ, полюбитъ, пойметъ вся его родная страна, потому что въ этихъ звукахъ выражена будетъ народная душа.

Мнѣ пришлось слышать замѣчательнаго маленькаго скри-пача, венгерца Франца Вечя. Этотъ восьми-девятилѣтній мальчикъ въ первыхъ годахъ нашего вѣка восхищалъ весь музыкальный Петербургъ и Москву.

Въ жизни своей въ то время онъ былъ общительнымъ, жи-вымъ, шумливымъ ребенкомъ. Онъ съ радостью игралъ съ дѣтми своихъ лѣтъ и моложе. Когда на одномъ концертѣ одно лицо исключительно высокаго положенія подарило ему превосходную замысловатую игрушку—паровозъ съ вагонами, ходившій по рельсамъ: родители боялись, что вторая часть концерта пропадетъ: такъ мальчикъ былъ увлеченъ новой игрушкой.

Съ нимъ обходились настолько по-дѣтски, что его прино-сили въ концертъ на рукахъ, изъ гостиницы, находившейся противъ той залы Дворянскаго Собранія, гдѣ онъ игралъ. Зима была холодная; его обертывали въ большую мужскую шубу и переносили на рукахъ черезъ улицу.

Однимъ словомъ, это былъ настоящій ребенокъ, не ис-пытывшій въ жизни ничего ни тяжелаго, ни сложнаго, что могло бы сильно толкнуть впередъ его душевное развитіе, дать вну-треннему міру его ту зрѣлость, какую даетъ напряженное стра-даніе даже дѣтямъ.

И вотъ однако, когда этотъ ребенокъ бралъ свою скрипку и начиналъ играть: вы слышали предъ собой игру взросло-го человѣка.

Въ игрѣ его изумительна была не одна техника. Замѣча-тельно было то выраженіе, какое онъ придавалъ звукамъ, лившимся изъ-подъ смычка.

Подъ этой дѣтской рукой струны то плакали горькими сле-зами о чемъ-то нужномъ для жизни, кровномъ и миломъ, без-возвратно ушедшемъ; то дышали гордымъ торжествомъ, упо-еніемъ покоя; то слышался тихій шопотъ затаенной, робкой, ушедшей въ себя любви; то рвались крики страсти; то оди-

нокая душа грезилла золотыми смѣлыми грезами, то грустила надъ измѣнчивостью и непрочностью жизни и счастья.

Передъ вами стоялъ ребенокъ со скрипкой въ слабыхъ рукахъ. И въ этихъ дѣтскихъ рукахъ, еле ее державшихъ, скрипка пѣла о всемъ разнообразіи человѣческаго горя и радости, о всей шири людского бытія, вскрывала всѣ тайники бездонной и неохватной души человѣческой.

Откуда бралось все это у беззаботнаго веселаго ребенка, который за какой-нибудь часъ передъ тѣмъ шумно рѣзвился съ такими же, какъ онъ дѣтьми,—они отличались отъ негѣ только тѣмъ, что на нихъ не легла эта особая печать...

Это была душа музыканта, помимо всякаго земнаго опыта несшая міру въ звукахъ разомъ все то, о чемъ звуки вообще могутъ рассказать и рассказываютъ человѣчеству.

И какъ и почему эта душа вмѣстила въ себѣ богатство звуковъ и широко открывала это богатство міру: не изъяснить и не понять.

Согласиться ли со свѣтлымъ видѣніемъ, которое Лермонтовъ въ юности своей низвелъ на землю,—думать, что душа, несомая въ міръ ангеломъ, прельстилась гармоніей его пѣсни и на землѣ старалась уловить, а потомъ и сама создать ту же гармонію?

Но въ немъ дышало что-то помимо него, высшее его самого и ему недоступное, и чрезъ него открывалось людямъ.

Въ великолѣпномъ разсказѣ (въ одной исторической хроникѣ Островскаго) Козьма Мининъ восклицаетъ великолѣпныя слова:

Сегодня мной владѣетъ Богъ...

И какъ часто эти слова можно приложить ко многимъ случаямъ жизни, когда человѣкъ чувствуетъ себя, дѣйствительно, въ чьей-то чудной высшей власти, когда имъ, дѣйствительно, владѣетъ Богъ...

Владѣетъ Богъ и музыкантомъ, который уже съ колыбели слышитъ недосказанныя другимъ людямъ мелодіи,—тѣ самыя мелодіи, которыя онъ потомъ принесетъ въ міръ и которыя будутъ напоминать людямъ объ ихъ вѣчной отчизнѣ и поддерживать въ нихъ святую тоску по небѣ.

Владѣетъ Богъ и тѣмъ будущимъ художникомъ, который, бѣдный деревенскій мальчикъ, чертитъ кускомъ угля на бѣлой стѣнѣ съ изумительною вѣрностью поражающія его вещи—прежде, чѣмъ научится держать въ рукѣ кисть и творить тѣ полотна, на которыя потомъ вѣками будутъ дивиться люди.

И, если мы увѣрены, что Богъ владѣетъ душою человѣче-

скою въ этихъ ея проявленіяхъ, какъ же, съ еще большею несомнѣнностью, не думать, что, тѣмъ болѣе, владѣетъ Богъ душою человѣческою со стороны ея религіозныхъ постиженій...

Душа инстинктивно чувствуетъ Бога, часто тоскуетъ по Нему и всегда готова повернуться къ Нему, какъ подсолнечникъ поворачиваетъ свой крупный цвѣтокъ къ солнцу.

Это неопровержимая истина, которая чрезвычайно облегчаетъ религіозную пропаганду.

Именно, этой истиной — неутомимой религіозной жадной души объясняется то, какъ человѣкъ, только что гнавшій религію, или издѣвавшійся надъ нею, вдругъ становится ея защитникомъ и навсегда преклоняетъ предъ нею колѣни.

Жажда религіозной истины можетъ томить и такую душу, которая, повидимому, или совершенно не склонна къ религіи или стоитъ въ своихъ стремленіяхъ на совершенно ложномъ пути.

Вспомнимъ великаго учителя вселенной, въ столь пламенной, столь убѣдительной, столь покоряющей проповѣди пронесшаго по тогдашнему міру вѣсть о Христѣ и Его завѣтахъ: первоверховнаго Павла...

Онъ гналъ Христа—гналъ Его не такъ, какъ гнали бы и презирали бы Его гонители всякой религіи,—только потому, что она есть религія; онъ гналъ Христа, потому что Христосъ казался Ему врагомъ религіи, которую онъ тогда исповѣдывалъ и которой служилъ...

И вотъ—по пути въ Дамаскъ слышитъ онъ зовъ:

— Савль, Савль, зачѣмъ ты гонишь Меня!

Быть можетъ, образъ Богочеловѣка, о Которомъ онъ, столь близко принимавшій къ сердцу религіозные вопросы, не могъ не слышать,—этотъ образъ втайнѣ уже покорилъ Савла, и онъ уже боролся внутри себя съ этою начавшеюся для него чудною и необъяснимою властью.

И тогда этотъ зовъ сталъ для него пораженіемъ въ немъ ветхаго человѣка и рожденіемъ въ немъ христіанина. Такъ—съ пути религіознаго, но ложнаго, сталъ Савль на путь религіи истинной.

А вотъ другой примѣръ: рожденія вѣры въ человѣкѣ, который, повидимому, былъ совершенно лишенъ какихъ бы то ни было религіозныхъ переживаній.

Въ царствованіе императора Александра Николаевича былъ приставленъ къ церковнымъ дѣламъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Съ дѣтства онъ былъ близко извѣстенъ Государю, будучи его сверстникомъ и товарищемъ. Но по всему

строю его жизни никакъ нельзя было въ немъ предположить убѣжденнаго защитника вѣры. Назначенію его къ церковнымъ дѣламъ удивлялись.

Какъ-то пришлось ему гдѣ-то отстаивать церковные интересы, и кто-то ему замѣтилъ:—Странно слышать эти рѣчи отъ васъ, равнодушнаго къ ученію церкви.

— Нѣтъ,—воскликнулъ тогда князь; я вѣрю всему, какъ учить церковь!

И точно въ ту минуту сошла на него вѣра, и больше не покидала его.

До какой степени душа—христіанка по самому существу своему, доказываетъ еще слѣдующій случай, въ свое время занесенный въ повременную печать.

Дочь извѣстнаго русскаго эмигранта и писателя Герцена, жившаго въ Лондонѣ, была воспитана совершенно внѣ церкви и не имѣла понятія о православномъ богослуженіи.

Ей было уже лѣтъ четырнадцать, когда, проѣздомъ чрезъ Парижъ, ей случилось зайти въ русскую православную церковь. Она входила въ православную церковь въ первый разъ въ жизни. И то, что она тамъ увидѣла, почувствовала—ее потрясло.

Очевидно, душа ея была особенно воспримчива къ впечатлѣніямъ религіознымъ. А тутъ вся полнота этихъ впечатлѣній, къ которымъ другія дѣти православныхъ семей привыкали исподволь, нахлынула на нее разомъ. И то, что она тутъ пережила, было такъ значительно, такъ сложно, такъ сильно, что организмъ ея не выдержалъ такого напора мыслей и чувствъ: она зарыдала и упала въ истерикѣ.

Знаменитое поэтическое созданіе нѣмецкаго всемірнаго гения Гете, Миньона, прекрасно передаетъ смутныя мечты ребенка, похищеннаго во младенчествѣ цыганами,—о далекой прекрасной отчизнѣ.

Такая же Миньона—душа всякаго изъ насъ. Даже далекая отъ Бога душа томится по Богѣ и жаждетъ Его: жаждетъ, потому что, нося въ себѣ масштабъ безконечности, только на Безконечномъ можетъ успокоиться...

Даже самая острота ненависти ко Христу иныхъ людей показываетъ ихъ вѣру.

Вотъ, теперь французское правительство борется со Христомъ, какъ боролся съ Нимъ нѣкогда Іуліанъ Богоотступникъ.

Въ этой борьбѣ есть какое-то безуміе и бѣшенство злобы.

Желаютъ изъять имя Христа изъ устъ гражданъ, охранить слухъ дѣтей отъ звуковъ этого имени, воспитывать дѣтей внѣ

всякаго религіознаго воздѣйствія. Армія шпіоновъ слѣдитъ за служащими людьми, не порывающими съ церковью, и офицеръ, который посѣщаетъ храмъ и приступаетъ къ таинствамъ, попадаетъ на дурной счетъ, и служебное движеніе его замедляется.

Не то же ли было тогда, когда Іуліанъ Отступникъ посылалъ въ изгнаніе христіанъ, всячески издѣвался надъ христіанствомъ, завалилъ храмъ гроба Господня и другія святыни Іерусалима, чтобы истребить на землѣ всѣ слѣды Христовой жизни на землѣ. Но противъ одного слѣда пришествія Христа былъ онъ безсиленъ: противъ слѣда, оставленнаго Христомъ въ сердцахъ человѣческихъ.

И, если казалось изъ всѣхъ дѣйствій Іуліана, что онъ не признаетъ Христа, это могло казаться только человѣку близокому.

И та власть, которую имѣлъ надъ Іуліаномъ преслѣдуемый имъ Христосъ, выразилась въ предсмертномъ его восклицаніи, которое является однимъ изъ самыхъ торжественныхъ исповѣданій, вылетавшихъ когда-либо изъ устъ людей гибнущихъ за Христа и которое было теперь тѣмъ болѣе знаменательно, что являлось послѣднимъ признаніемъ человѣка, посвятившаго всю свою жизнь на ненависть ко Христу:

— Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!

Христа Іуліанъ считалъ страшнымъ призракомъ, который надо отогнать отъ человѣчества... Теперь же Христосъ вставалъ предъ нимъ во всей своей реальности, во всей несомнѣнности Своей вѣчной власти и Своей непреходящей побѣды и надъ нимъ, надъ Іуліаномъ.

Ожесточенная борьба кончилась торжественнымъ признаніемъ побѣжденнаго...

Могъ ли съ мертвымъ такъ страстно бороться Іуліанъ!.. Жизненность власти Христа надъ міромъ, это чудотворное слово, чрезъ ничтожныхъ рыбаковъ проникавшее вглубь семей, къ недоступнымъ тайникамъ семейныхъ очаговъ, въ ряды непоколебимаго римскаго войска, къ скамьямъ сенаторовъ, къ гордымъ сановникамъ и въ самые дворцы цезарей и склонившее, наконецъ, къ ногамъ Христа равноапостольнаго Константина,—постоянно жгла и мучила Іуліана.

Христа не признавать нельзя. Можно съ Нимъ бороться или Ему поклониться. Но чувствуетъ Его всякая душа.

И сколько среди насъ, въ нашей обыденщинѣ, такихъ Іуліановъ, которые кричатъ о своемъ невѣрїи и своимъ беспокойнымъ отношеніемъ ко Христу только доказываютъ, какую

власть имѣть надъ ихъ душою Этотъ, отрицаемый ими Христосъ.

Если я считалъ Магомета ложнымъ пророкомъ, я говорю о немъ спокойно, потому что для меня Магометъ—величина не существующая, не имѣющая для меня ровно никакого значенія. Я могу его поклонниковъ, учениковъ его ложнаго ученія, жалѣть.—Но могу ли относиться къ самому Магомету съ проклятіемъ, или съ ненавистью къ заблуждающимся его ученикамъ?

Я просто прохожу мимо нихъ, какъ мимо людей совершенно мнѣ чуждыхъ по духу.

Но посмотрите на другого невѣра.

Съ какимъ жаромъ станеть онъ говорить вамъ противъ Христа и христіанства, какимъ горить онъ чувствомъ злобы и ненависти...

Мечта, обманъ?.. Но отчего же эта самая мечта, если это только одна мечта, такъ его тревожить...

Нѣтъ! Его ненависть—это только обратная сторона той любви, которую возбуждаетъ къ Себѣ Христосъ въ другихъ людяхъ... Это только любовь мучительная и мучающая, вмѣсто той, чтобъ давать счастье и покой.

Замѣчали ли вы въ земныхъ отношеніяхъ проявленіе глубокой ненависти нѣкоторыхъ лицъ къ тѣмъ людямъ, къ которымъ ихъ тянетъ, но которые не идутъ на сближеніе съ ними?

Бываетъ также, что человекъ чѣмъ-нибудь страстно восхищается, но видитъ, какъ предметъ его восхищенія отъ него далекъ и для него недоступенъ, и изъ-за этой недоступности начинаетъ его ненавидѣть.

Такъ же приблизительно бываетъ у нѣ котораго разряда людей относительно Бога...

Божество стоитъ предъ ними несомнѣнною реальностью. А они, ослѣпленные этой несомнѣнностью, чувствуя Его, но не постигая Его, а по своему складу стремящіеся все себѣ объяснить и все, такъ сказать, ощупать руками,—раздражаются и, неспособные признать и преклониться, въ то же время—не способные, по крайней мѣрѣ, наединѣ съ собою, не на людяхъ—не способные отрицать,—страдаая отъ этой двойственности, начинаютъ ненавидѣть источникъ своего страданія.

Душѣ нашей необходимы извѣстные экстазы. Душѣ нашей необходимо найти что-нибудь безконечно высокое, совершенное, верховное, чтобъ предъ этимъ преклониться. И мудръ и счастливъ тотъ, кто въ этой жадѣ находитъ Божество, и

Ему отдаетъ весь жаръ нерастраченныхъ восторговъ, все удивленіе и всю любовь свѣжей непорочной души.

А есть люди, отворачивающіеся отъ Бога изъ гордости, и становящіеся добровольными рабами другихъ людей.

Я разъ слышалъ споръ двухъ молодыхъ людей, одинаково талантливыхъ и искреннихъ и съ сочувствіемъ относившихся другъ къ другу.

Одинъ былъ человѣкъ свободный, потому что былъ вѣрующій, и въ вѣрѣ находилъ полное удовлетвореніе всѣмъ душевнымъ запросамъ. Другой былъ невѣрующій, и гордился своимъ невѣріемъ. Съ этой мнимой своей высоты онъ строго судилъ другого.

— Удивляюсь, говорилъ онъ, такому характеру, какъ вашъ, который нуждается въ томъ, чтобъ создать себѣ какого-нибудь идола и бултыхаться предъ нимъ на колѣни... Прямо, унижительное состояніе!.. Не могу спокойно думать о такомъ раболѣпствѣ.

— А я думаю,—отвѣчалъ другой, что тотъ, кто дорожить именемъ «рабъ Божій», тотъ самый свободный въ мірѣ человѣкъ... Онъ въ полнотѣ чувствъ подчинилъ себя великому Божеству, и въ Немъ нашель свободу отъ тѣхъ земныхъ мелочей и земныхъ узъ, въ которыхъ бьется человѣкъ, вами называемый свободнымъ, а попросту раболѣпствующій предъ міромъ, когда мнилъ освободиться отъ Божества.

И это было правда... Тотъ, кто называлъ себя свободнымъ, потому что не служилъ Богу, былъ, на самомъ дѣлѣ, совершенно завершенный міромъ и опутанный разными узами человѣкъ.

— Поймите нелѣпость вашего отрицанія Бога, говорилъ другой:—неужели разумный человѣкъ можетъ утверждать, что міръ произошелъ и поддерживается въ своей стройности безъ единой объединяющей творческой и промыслительной мысли? И ваше отрицаніе Бога такъ же бессмысленно и странно, какъ еслибъ вы стали «отрицать» вашихъ родителей. Вы отъ нихъ произошли. Вѣдь вы можете говорить все, что угодно. Но вашъ отецъ—есть вашъ отецъ, и ваша мать есть ваша мать...

— А Богъ!.. Говоря противъ Него, вы вдыхаете въ себя Его воздухъ; звуками вашего голоса и всякимъ вашимъ движеніемъ вы осуществляете жизнь, которую вложилъ въ васъ Онъ... Для отрицанія Его вы напрягаете ту мысль, которую пробудилъ въ васъ Онъ... Однимъ словомъ, отрицая Бога, вы совершенно подобны тому человѣку, который, ныряя въ волнахъ моря,